

и творцом этих форм, то в истории надорганическая среда и личность одинаково подчиняются и воздействуют друг на друга [5, с. 150]. Однако вопреки позитивизму Н. Кареев отрицал существование законов истории, а причинные связи объявлял психологическими. На деле это превратило человека у него в единственный фактор истории и прогресса [6, с. 42]. Исследователь усматривал в исторических событиях сумму отдельных человеческих поступков, а в личности — силу, способную влиять на события в большей мере, чем массы, потому что она, как носитель идеи, обладает свободным сознанием, позволяющим ей стать выше действительности и изменить ее в соответствии со своими представлениями. Такая постановка вопроса сближала историка с субъективной школой.

Заключение. В российской позитивистской историографии не было единства в определении роли личности в истории. Для исторических взглядов первых русских социологов было характерно понимание движения истории как результата сложного взаимодействия объективных условий и субъективного начала. Прогрессивное развитие общества осуществляется, по их мнению, не механически, а усилиями людей, исходя из чего они способны сами выбирать путь развития. Представители классического позитивизма считали, что любое действие человека определяется внешними влияниями, а не его сознательным выбором. Давление определенного психологизма на исторический процесс они склонны были связывать скорее с коллективной психологией, чем с индивидуальной волей.

Список цитируемых источников

1. Лавров, П. Л. *Философия и социология : избранные произведения* : в 2 т. / П. Л. Лавров. — М. : Мысль, 1965. — Т. 2. — 703 с.
2. Могильницкий, Б. Г. *Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 90-х годов* / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1969. — 408 с.
3. *Виноградов, П. Г. Избранные труды* / П. Г. Виноградов ; сост. А. В. Антощенко. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 632 с.
4. *Ключевский, В. О. Сочинения* : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. В. А. Александрова. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1. — 430 с.
5. *Кареев, Н. И. Историология: Теория исторического процесса* / Н. И. Кареев. — М. : ЛИБРОКОМ, 2011. — 328 с.
6. *Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.)* : монография / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.

УДК 902

Г. С. Махрачев

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ МОРДВЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Введение. Мордва — финно-угорский народ, который в настоящее время делится на два субэтноса: мокша и эрзя. Сегодня восточные финны занимают широкую область европейской части России и Зауралья. Процесс расселения мордовского народа является малоизученным, между тем представляет огромный интерес для понимания взаимодействия племен на рубеже становления древнерусского государства и влияния этого процесса на дальнейший ход истории.

Основная часть. Более подробно изучен быт древнемордовских племен. Благодаря исследованиям П. Д. Степанова [1], М. Ф. Жиганова [2], П. П. Иванова [3], Р. Ф. Ворониной [4; 5], мы можем сопоставить материальную культуру мордвы с другими племенами и народами. Такое сравнение позволяет проследить их взаимный культурный обмен, что очень важно для понимания степени взаимодействия древнемордовских племен с их окружением. В дальнейшем это позволит лучше проследить этапы расселения мордвы.

Значимым аспектом, на котором необходимо акцентировать внимание, является этногенез мордовского народа. Важно проследить ареал первоначального появления древнемордовских племен, на который можно будет опираться в процессе изучения дальнейшего расселения мордвы.

Существует несколько версий этимологии слова «мордва», краткий анализ которых представлен в соответствующей словарной статье М. Фасмера [6, с. 653—654]. Однако наибольшее распространение получает версия профессора Д. В. Бубриха, который объясняет происхождение слова «мордва» от греческого: название «мордиа» восходит к более раннему «мурдия», «мурдь», откуда-то взятое готами. «Мурдь» (мирьде) — мордовское слово, означающее «муж». Итак, готы слышали, как мордовские воины или торговые люди обращались в своей среде так: «мурьде» (муж), «мурьдть» (мужи) — и поняли это как название народности [7, с. 21].

Впервые мордва (mordens) упоминается в труде историка VI века Иордана [8, с. 150]. В письме хазарского кагана Йосифа (около 961 года) в числе данников хазар упоминается «ариса», вероятнее всего — эрзя [7, с. 23]. Название страны Мордия (Mordia) встречается в сочинении византийского императора X века Константина Багрянородного [9, с. 157]. Указание на месторасположение мордвы и его отношений с Русью

встречается и в древнерусской летописи: «А по Оце реце, где втечет в Волгу... мордва свой язык... А се суть инии языци, иже дань дабть Руси: чудь, весь, мурома, черемись, мордва» [10, с. 13]. В дальнейшем упоминание о мордве встречается только под 1103 годом: «Того же лета бияся Ярослав с мордвою месяца марта в 4 день, и побежень бысть Ярославъ» [10, с. 185].

По сохранившимся письменным источникам весьма сложно проследить этапы расселения и движения древнемордовских племён, слабо просматриваются и особенности материальной культуры, поэтому в дальнейшем исследовании приоритетными для нас будут археологические данные.

Первые элементы мордовской культуры встречаются уже на рубеже I—II веков, о чём свидетельствуют находки в Андреевском кургане [11]. Височные подвески с грузиком, нагрудные бляхи, сюлгамы, найденные на территории кургана, характерны для древней мордвы. Отмечая близость погребального отряда Андреевского кургана с обрядами пьяноборских племён, С. Э. Зубов делает вывод, что одним из предков мордвы была пьяноборская культура [12, с. 46—49].

Другим предком мордвы считают племена городецкой культуры [13, с. 153]. Наиболее ярким свидетельством тому служат материалы раскопок верхнего слоя городища «Ош Пандо», датированного VI—IX веками [1]. Здесь наблюдается не только заимствование техники изготовления глиняной посуды, но и схожесть жилищ и орудий труда.

Определенное влияние на древнюю мордву оказала культура сарматов. Аналогичные предметы найдены в Армиевском могильнике. Среди них — гривны простейшей гладкой формы из проволоки с загнутыми концами, заходящими один за другой [14, с. 58]; дисковидные нагрудные бляхи из листовой меди [14, с. 59]; бляхи с перекрестьями из двух пластин, украшенные точечным орнаментом [14, с. 59].

В конце I тыс. мордва попала под сильное влияние со стороны восточнославянских племен. Об этом говорит посуда восточнославянского типа, пряслицы из розового шифера, браслеты сложного плетения, обычные в русских областях, славянские призматические сердоликовые бусы, найденные на территории городищ «Ош Пандо» и «Ашна Пандо», а также Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках [7, с. 34—35].

В VII—IX веках у мордвы также существовали экономические связи с алано-хазарским миром, а в IX—X веках преобладающими являлись торговые отношения с Волжской Булгарией. О южном и восточном импорте убедительно свидетельствуют оружие (сабли, мечи), пояса, украшения, находимые в мордовских могильниках VIII—XI столетий.

Данные по раскопкам Кошибеевского (II—IV века) и Абрамовского (IV—VII) могильников позволяют сделать вывод об активном выделении мордовского этноса, элементы которого начали встречаться ещё во времена существования Андреевского кургана. Таким образом, можно отследить первоначальный ареал расселения мордвы, занимающий юг современной Нижегородской области, восток Рязанской области и территорию Мордовской Республики.

В дальнейшем в ходе естественного роста населения и производственных сил возникает потребность в новых землях. Так, к началу VI века начинается расселение древнемордовских семейных общин из своих прежних родовых мест, что подтверждается появлением памятников мордвы на значительной территории Волжско-Окского междуречья.

Активное расселение происходило во всех направлениях и позволяло осваивать новые земли, а также улучшать торговые связи со славянскими племенами. К VI веку мордва начинает заселение территории современной Пензенской области и западной территории Чувашской Республики. Наиболее часто встречаемыми археологическими памятниками древней мордвы V—VI веков являются могильники: Старокадомский (V—VII), Ивановский (V—VIII), Старший Кужендеевский (VI—VII), Армиевский (VI—VIII), Волчихинский (VI—IX) и др. Отдельно стоит упомянуть о Серповском могильнике (VI—VIII), который является наиболее древним из всех погребальных памятников, встречающихся на территории Тамбовской области.

В женских и детских погребениях, как правило, встречается посуда, оставленная у ног или головы. Из орудий труда при захоронении клали глиняные пряслица, вязальные крючки, шилья. В некоторых женских погребениях встречается оружие: наконечники стрел и копий, даже меч (Армиевский могильник, погребение 177). В мужских погребениях обычными находками являются ножи, желобчатые огнива, фитильные трубочки, топоры. Нередко встречаются мечи, а также сабли, типичные для конной дружины [15, с. 102].

К VI веку относится появление древнемордовской культуры на территории городища «Ош-Пандо». Основным занятием древней мордвы городища «Ош-Пандо» было широко развитое лесное скотоводство, о чём свидетельствует большое количество костей домашних животных: лошадей, коров, свиней, овец. Среди находок встречаются также железные серпы, сошники и зерна, что говорит о некотором развитии земледелия [16, с. 138], которое в описываемый период носило подсечный характер. Среди построек наибольшее распространение получили землянки и полуземлянки.

В VII—VIII веках активно увеличивается плотность древнемордовских племен на старых территориях. Наиболее часто встречаемыми археологическими памятниками по-прежнему являются могильники: Погибловский (VII—VIII), Младший Селиксенский (VII—VIII) и др. В большом количестве появляются селища, располагавшиеся вблизи городищ. В VIII веке мордва начинает переходить к пашенному земледелию, происходит усовершенствование прядения и ткачества, развивается техника металлообработки [16, с. 138]. Частыми находками являются орудия труда, оружие, глиняные пряслица, керамика.

В конце VII века мордва начинает активно заселять среднее и верхнее течение р. Цны. На территории Моршанского района появляются Елизавет-Михайловский (конец VII — XI век) и Крюково-Кужновские (VII—XI) могильники. В захоронениях среди находок большое распространение получили украшения, орудия труда, глиняная посуда, глиняные пряслица.

Заключение. К IX веку мордва занимала обширные территории современных Мордовской и Чувашской республик, южную часть Нижегородской области, Пензенскую область, восточную часть Рязанской и северо-восток Тамбовской областей. Велась активная торговля с алано-хазарским миром, Волжской Булгарией и славянскими племенами. Происходили активные процессы перехода к пашенному земледелию и развитие металлообработки.

Список цитируемых источников

1. Степанов, П. Д. Ош Пандо / П. Д. Степанов. — Саранск : Морд. книж. изд-во, 1967. — 212 с.
2. Жиганов, М. Ф. Память веков: Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти / М. Ф. Жиганов. — Саранск : Морд. книж. изд-во, 1976. — 112 с.
3. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова / ред. и вступ. ст. Смирнова. — Моршанск : Изд-во Морш. краевед. музея, 1952. — 232 с.
4. Воронина, Р. Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции (1983—1985) / Р. Ф. Воронина ; отв. ред. Н. В. Лопатин. — М. : Наука, 2007. — 164 с.
5. Воронина, Р. Ф. Погребальный обряд среднецининской мордвы VIII—XI вв. / Р. Ф. Воронина // РА. — 1993. — № 3. — С. 68—81.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. II. — 671 с.
7. Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. / В. Н. Бочкарев [и др.]. — Саранск : Морд. книж. изд-во, 1955. — Т. I. — 574 с.
8. Иордан, О. Происхождении и деяниях гетов / Иордан ; вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. — М. : Изд-во вост. лит., 1960. — 436 с.
9. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный ; под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. — Изд. 2-е, испр. — М. : Наука, 1991. — 497 с.
10. Повесть временных лет / Д. С. Лихачев ; подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Акад. наук СССР. — 1-е изд. — М.-Л. : Из-во Акад. наук СССР, 1950. — Ч. 1. — 407 с.
11. Степанов, П. Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры / П. Д. Степанов. — Саранск : Морд. книж. изд-во, 1980. — 108 с.
12. Зубов, С. Э. К проблеме культурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа / С. Э. Зубов // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. — Саранск : Ист.-социол. ин-т, 1999. — С. 44—51.
13. Авдусин, Д. А. Археология СССР / Д. А. Авдусин. — 2-е изд. — М. : Высш. шк., 1977. — 272 с.
14. Смирнов, А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А. П. Смирнов // Материалы и исследования по археологии СССР. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — № 28. — 275 с.
15. Рыбаков, Б. А. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1987. — 510 с.
16. Степанов, П. Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников / П. Д. Степанов // КСИИМК. — М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — Вып. XXXVIII. — С. 136—139.

УДК 37.013.42

Л. И. Пономаренко

Сумский государственный педагогический университет имени А. С. Макаренка, Сумы, Украина

МОНИТОРИНГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ ИЗ СРЕДЫ ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Введение. Сегодня, находясь в состоянии военного конфликта, Украина предстала перед проблемой внутреннего перемещения ее граждан. Украинцы вынуждены были покинуть свои дома, чтобы избежать вооруженных конфликтов и насилия. Часть беженцев обратилась за убежищем в страны Евросоюза, США, Канады, но большинство беглецов стали внутренними переселенцами.

Из-за отсутствия подобных прецедентов в прошлом нормативно-правовая база украинского законодательства не содержала положений по регулированию явления, которое возникло.

Среди многочисленных проблем внутренне перемещенных лиц особое место занимает вопрос обеспечения прав детей на территориях их переселения. В целях изучения уровня обеспечения прав детей из среды внутренне перемещенных лиц на новых территориях нами был проведен мониторинг.

Основная часть. Мониторинг «Обеспечение прав детей из среды внутренне перемещенных лиц, временно проживающих на территории трех районов Сумской области» был проведен Сумской областной общественной организацией «Калиновая гроздь» при поддержке Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в 2016 году.

Планирование и реализация мониторинговой деятельности осуществлялись в направлении проверки качества обеспечения прав детей из среды внутренне перемещенных лиц, временно проживающих на территории трех районов Сумской области, исходя из основных положений: